

В погоне за эффективностью

Частные судебные приставы: что мешает реформе

Судебное решение обладает обязательной силой только тогда, когда неотвратимость его исполнения гарантирована государством. В иных условиях защита нарушенного права становится синонимом процесса, а не результата. Именно фактическое исполнение является мерилем эффективности работы, которую ведут сотни тысяч судей, адвокатов, юристов компаний и банков

Текст

АЛИНА КУДРЯВЦЕВА,
СОВЕТНИК АБ «ЕГОРОВ, ПУГИНСКИЙ, АФАНАСЬЕВ И ПАРТНЕРЫ»
АЛЕКСАНДР ПОДГОРНЫЙ,
ЮРИСТ АБ «ЕГОРОВ, ПУГИНСКИЙ, АФАНАСЬЕВ И ПАРТНЕРЫ»,
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «Б.О.»

Проведенный в этой связи анализ официальной статистики приводит к неутешительным выводам. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, российские суды рассматривают около 15,9 млн гражданских дел в год. Суды удовлетворяют 88% исков. В штате ФССП состоит около 35 тыс. судебных приставов-исполнителей — по 24 пристава на 100 000 жителей. Для сравнения, в среднем в Европе данный показатель колеблется в диапазоне от трех до шести агентов исполнения.

Несмотря на выдающиеся численные показатели, состоятельность действующей модели принудительного исполнения вызывает сомнения. Исполнительная система неэффективна: по результатам 2017 года из 35 млн исполнительных производств фактическим исполнением завершено только каждое седьмое,

то есть менее 15%. Исполнительная система перегружена: в среднем один агент исполнения одновременно ведет около тысячи исполнительных производств. Исполнительная система невыгодна: бюджет ФССП на 2017 год составил 46 млрд рублей, а взятый исполнительный сбор — 14 млрд рублей. В итоге на один вложенный рубль бюджет получает около 30 копеек.

Таким образом, несмотря на значительные расходы бюджета, исполнительное производство в действующей модели не может быть эффективным. Высокий спрос на принудительное исполнение вкупе с недостатком мотивации пристава и низкой платежной культурой должника требует существенной перестройки системы. Один из возможных вариантов — внедрение частной системы исполнения. Такая система ставит агента исполнения в один ряд с иными людьми «свободных профессий» — аудиторами, арбитражными управляющими, адвокатами

и нотариусами. Судебный пристав — исполнитель в этой системе самостоятельно организует и финансирует свою деятельность, а также несет ответственность за результаты своей работы. Подобная система успешно действует как в развитых европейских правовых порядках (Франции, Нидерландах, Италии), так и в государствах — наследниках системы социалистического права (Литве, Польше, Казахстане).

В последнее время с предложениями о реформировании системы в этом ключе выступали Дмитрий Аристов, главный судебный пристав РФ, эксперты Центра развития стратегических инициатив, а также НАПКА. При этом их взгляды на будущую систему принципиально различаются. ФССП и ЦСР предлагают передать в частные руки взыскание долгов с юридических лиц. При этом ФССП продолжит работу с гражданами и взыскание долгов в пользу бюджета (включая налоги). НАПКА, в свою очередь, предлагает отдать частным судебным приставам работу с долгами на сумму до 10 млн рублей независимо от личности должника. В зоне ответственности ФССП останутся только социально значимые взыскания — алименты, пособия, публичные долги. Основой корпорации выступят действующие коллекторские агентства или объединения.

Реформа по первому варианту представляется неэффективной. С точки зрения профессионального консультанта, проблема исполнения судебных актов в отношении юридических лиц преувеличена. Юридическое лицо либо обладает имуществом, достаточным для исполнения (редко), либо впадает в банкротство со всеми вытекающими из этого последствиями (часто). Взыскать долг в последнем случае — работа юриста, а не пристава-исполнителя. Сложно представить, за счет чего будет существовать частный пристав в этой модели.

Предложения НАПКА представляются более реалистичными. Основной клиент частного агента исполнения в ней — серийный взыскатель (банк). Основной должник — физическое лицо, допустившее просрочку по кредиту. Само по себе существование коллекторских компаний доказывает их экономическую состоятельность. Властные полномочия в этой связи могли бы существенно повысить эффективность взыскания и разгрузить ФССП.

Несмотря на очевидные плюсы реформы в редакции НАПКА, передача работы с долгами физических лиц в частные руки напрямую сопряжена с риском злоупотреблений. Мотивация частного исполнителя ограничена стремлением получить как можно больше,

потратив как можно меньше. Это создает угрозу криминализации частного исполнения — от внеправового в широком смысле слова воздействия на должника до вовсе недобросовестного завладения чужим имуществом с использованием властных полномочий. Предложения провести реформу в этом ключе, исходящие от Ассоциации коллекторов, только усиливают эти опасения.

Реформа системы исполнения на этих условиях возможна только в одном случае — если профессиональное сообщество предложит механизм контроля над частными судебными приставами, способный эффективно пресекать злоупотребления. В противном случае реформа либо не принесет желаемого результата, либо вызовет новую волну негатива в адрес банков и обслуживающих их долги коллекторов.

Бюджет ФССП на 2017 год составил 46 млрд рублей, а взысканный исполнительный сбор — 14 млрд рублей. В итоге на один вложенный рубль бюджет получает около 30 копеек

За основу реформы с некоторыми изменениями могут быть приняты наработанные механизмы адвокатуры или нотариата. Применительно к частной системе исполнения такой контроль должен сочетать корпоративные (внутренние) и государственные (внешние) механизмы и исходить от:

- органов государственной власти, которые устанавливают обязательные для исполнения правила работы частных приставов-исполнителей;
- федеральных и региональных профессиональных объединений (палат), которые утверждают этические стандарты профессии, а также привлекают своих членов к дисциплинарной ответственности за их нарушение;
- судов, которые санкционируют отдельные исполнительные действия (арест, продажу с торгов и пр.), а также рассматривают жалобы на действия частных приставов-исполнителей.

Негативные стимулы могут быть дополнены высокой платой за вход в профессию или обеспечительным платежом, который не подлежит возврату в случае прекращения полномочий частного судебного пристава в связи с допущенными нарушениями. Целесообразным представляется также распространить на частного исполнителя предпринимательскую ответственность за причиненный ущерб.

Риск, который принимает на себя частный пристав — исполнитель, можно компенсировать квотированием профессии по территориальному признаку (по аналогии с нотариальными округами) и альтернативной подведомственностью отдельных категорий исполнительных документов. Это позволит, с одной стороны, обеспечить частным исполнителям гарантированный доход, с другой — защитить от демпинга и недобросовестной конкуренции.

За последнее десятилетие дискуссия вокруг частного исполнения пережила несколько витков и в каждом случае завершалась ничем — долги юридических лиц профессиональному сообществу неинтересны, а государство не готово отдать в частные руки работу с гражданами. Реформа будет невозможна до тех пор, пока государство не убедится в существовании механизмов, обеспечивающих достаточный контроль над частными агентами исполнения.

Б.О